

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦИИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

№ 143

(Августъ).

1909.

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,

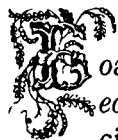
за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

СОДЕРЖАНІЕ. Истинное приѣжище въ скорбяхъ—Богъ.—Ренанъ и его книга:
„Жизнь Исуса“.—Райскій цвѣтъ.—Крестъ, да не явленный. И. Неофита.—
Нашимъ читателямъ.

ИСТИННОЕ ПРИБЪЖИЩЕ ВЪ СКОРБЯХЪ—БОГЪ.

Богъ намъ прибъжище; и: Господи, прибъжище былъ еси намъ (Пс. 89, 1.); но очень немногіе говорятъ сіе съ такимъ же расположеніемъ, какъ и Пророкъ. Ибо не многіе не оказываютъ удивленія человѣческому, но во всемъ зависятъ отъ Бога, Имъ дышатъ, въ Немъ имѣютъ надежду и увѣренность. И самая дѣла обличаютъ насъ, когда въ скорбяхъ скорѣе прибъгаемъ ко всему прочему, только не къ Богу. Больно у тебя дитя? Ищешь ворожею, или вѣщающаго на шеи невиннымъ младеицамъ пустыя надписи; или наконецъ, идешь ко врачу и за лекарствами, пренебрегши Того, кто можетъ спасти. Возмутить тебя сонъ? Бѣжишь къ снотолкователю. Устрашился ты врага? Ищешь заступника въ комъ-нибудь изъ людей. Вообще, при всякой нуждѣ обличаешь самъ себя, что на словахъ называешь Бога прибъжищемъ, а на дѣлѣ домогаешься помощи отъ бесполезнаго и суетнаго. Но праведнику истинная помощь—Богъ. Какъ военачальникъ, имѣя храбрыхъ воиновъ, всегда готовъ вспомоществовать изнемогимъ; такъ и Богъ—нашъ помощникъ, и споборникъ всякаго страждущаго противу козней діавола, и посылаетъ служебныхъ духовъ къ требующимъ спасенія.

(Изъ твореній св. Василия Великаго).

Ренанъ и его книга: „Жизнь Ісуса“.

Удивляюсь, что вы отъ призвавшаго васъ благодатію Христовою такъ скоро переходите къ иному благовѣствованію... Есть люди, смущающіе васъ и желающіе превратить благовѣствованіе Христово. Но еслибы даже мы, или Ангелъ съ неба сталъ благовѣствовать вамъ не то, что мы благовѣствовали вамъ, да будетъ анаѳема. (Галат. I, 6—8).

Въ пресловутые „освободительные годы“ перекочевали къ намъ съ запада многіе плоды западнаго „просвѣщенія“, а лучше сказать умопомраченія. Что тамъ вышло изъ моды, отжило свой

вѣкъ, завалялось, то, по давнишнему обычаю, съ радушнымъ гостепріимствомъ находить себѣ пріютъ въ нашей Россіи. Въ числѣ плодовъ западной цивилизаціи перешли къ намъ во множествѣ разныя безбожныя книги и брошюры и нашли у насъ хорошій сбытъ. Наша политическая союзница—Франція, въ которой безбожіе давно уже свило себѣ „насиженное гнѣздо“, подарила насъ и Ренаномъ.

Нѣтъ спору, Ренанъ и раньше успѣлъ побывать въ Россіи въ своихъ отнюдь не безсмертныхъ твореніяхъ. Но они стали было забываться, изнашиваться, выходить изъ моды. Ихъ вспомнили и особенно усердно стали распространять вѣсь поклонники „освободительнаго движенія“.

Высшія и среднія школы широко раскрыли имъ двери. Не рѣдкость теперь встрѣтить и еле грамотнаго крестьянина, который щеголяетъ своимъ знакомствомъ съ Ренаномъ. Ренанову „Жизнь Иисуса“ читаетъ гимназистъ, ею увлекается фабричный рабочий, интересуется чиновникъ, особенно же книжонка Ренана понравилась представительницамъ женскаго пола. Она, видите ли, „женственна“, бьетъ по сердечнымъ струнамъ, даетъ обильную пищу чувству и фантазіи... Не даромъ же сочиненіе Ренана составлено подъ сильнымъ вліяніемъ его сестры и посвящено ей. Послѣдній полный переводъ его на русскій языкъ сдѣланъ также женщиной, которая, безъ сомнѣнія, въ восхищеніи отъ книжонки Ренана. Это восхищеніе хочеть передать она и своимъ читателямъ.

Нельзя не отдать справедливости врагамъ хрістіанства и въ частности—врагамъ Россіи. Трудно придумать болѣе тонкое средство, чтобы разлить ядъ невѣрія и отравить имъ „нѣжныя сердца“. Трудно придумать и болѣе вѣрное средство, чтобы погубить Россію, ибо сила и могущество ея въ святомъ православіи. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, съ какимъ увлеченіемъ читають книжонку наши юнцы и юницы. О, это *новое* ученіе,—послѣднее слово науки. Старое уже отжило свой вѣкъ. И вотъ, во имя новаго предлагается толкованіе стараго, вѣрнѣе—совершенное его извращеніе, полное противорѣчій и несообразностей. Но что до этого почитателямъ Ренана? Онъ имъ нравится и они имъ увлекаются...

Раскроемъ же читатель, страницы этой кошунственной и клеветнической книжонки, заглянемъ въ нее, но не затѣмъ, чтобы увлекаться ея парами и обаяніемъ, но для того, чтобы трезво отнестись къ ней, воздать ей должное, прочитать не только то, что въ строкахъ, но и что между строками. Послѣднее часто бываетъ важнѣе перваго.

Ложь и искаженіе истины начинается первыми словами сочиненія Ренана. Въ первой же главѣ Ренанъ пишетъ о своемъ

„Иисусъ“, что „онъ вышелъ изъ народа. Его отецъ — Иосифъ и мать—Марія“ (стр. 12) 1).

Что за дѣло Ренану до сказанія Евангелиста о благочестивомъ старцѣ Иосифѣ, не познавшемъ тайны святаго рожденія и хотѣвшемъ тайно отпустить отъ себя Пресвятую Дѣву? Что ему за дѣло и до дальнѣйшихъ словъ св. благовѣствованія: *сія же ему помыслившу, се Ангелъ Господень во снѣ явился ему, глаголя: Иосифе, сыне Давидовъ, не убойся пріяти Маріамъ жены твоя: родишеся въ ней, отъ Духа есть Свята* (Мф. I, 20).

Все это—*старо*. У Ренана другія задачи. Онъ „не допускаетъ сверхъ-естественнаго, т. е. чуда“. Онъ хочетъ представить „жизнь Иисуса безъ надстроекъ и темнотъ“. Онъ изображаетъ его „съ чертами и свойствами своей расы“, „простымъ и чистымъ, какъ то чувство, которое его создало“ (стр. 7).

Итакъ, вотъ въ чемъ дѣло. „Иисусъ“ былъ простой человѣкъ, а не Богочеловѣкъ! Святые догматы воплощенія и искупленія—выдумка праздныхъ умовъ. Чудесъ нѣтъ. „Иисусъ“ естественный сынъ Иосифа и Маріи, сынъ своего народа, чадо своего вѣка. Однимъ взмахомъ уничтожено все хрістіанство. Оно названо легендой, т. е. басней, сказкой...

Такъ пишется исторія! Легко и просто.

Теперь, какъ же простой смертный сдѣлался предметомъ общаго поклоненія? Какъ ему поклонилось всякое колѣно небесныхъ, и земныхъ, и преисподнихъ? Чѣмъ онъ достигъ того, что человѣчество рекло въ одинъ голосъ: *нѣсть иного имене, покланяемаго подъ небесемъ?*..

Очень просто! Его вскормила чудная чарующая природа Галилеи. Его воспитали не менѣ очаровательныя галилейскія женщины и тѣ разношерстныя народности, среди которыхъ протекла его жизнь.

Не даромъ же Ренанъ путешествовалъ по Востоку и долго жилъ въ Галилеѣ. Онъ изучилъ и изслѣдовалъ ее во всѣхъ отношеніяхъ и теперь съ легкимъ сердцемъ можетъ сказать, что „Иисусъ“—сынъ Галилеи.

Пустынная каменистая Иудея — „самая печальная страна въ мірѣ“—ему не нравится. Она не могла бы создать такой обаятельной, чарующей личности, какова была личность „Иисуса“. Его могла создать только Галилея.

Въ первой же главѣ Ренанъ пишетъ: „Иисусъ“ родился *въ Назаретъ*... Только позднѣйшей легендѣ, съ большой натяжкой, мѣстомъ его рожденія удалось сдѣлать Виѳлеемъ“ (стр. 11). Такъ

1) Книга Ренанова цитруется здѣсь по переводу О. Крыловой. Изданіе (третье) Н. Глаголева. С. Петербургъ (безъ даты). Здѣсь удерживается и правописаніе книги, по ученію которой „Иисусъ“—простой человѣкъ, а потому Ренанъ и пишетъ вездѣ слова: *онъ, его* и др. съ строчной буквы.

пишется исторія! Пророчество Михея о Виелеемѣ, землѣ Иудовой, сказанія первыхъ трехъ Евангелистовъ (синоптиковъ) о томъ, что эта земля Иудова, согласно древнему пророчеству, и была дѣйствительнымъ мѣстомъ рожденія Спасителя міра, поклоненіе волхвовъ—все это—„позднѣйшія легенды“... Истина же въ мнимомъ евангеліи Ренановомъ, ибо ему нужно доказать, что „Исусъ“ былъ сынъ Галилеи...

Правда и „самъ Назаретъ не представляетъ въ себѣ ничего привлекательнаго. Зато окрестности его прелестны, и никакая другая мѣстность въ мірѣ такъ не гармонируетъ съ мечтами о совершенномъ счастіи... Это одно изъ очаровательныхъ обиталищъ, единственное мѣсто въ Палестинѣ, гдѣ душа чувствуетъ себя облегченной отъ бремени... Антонинъ, мученикъ VI вѣка, сравниваетъ его съ раемъ. Горизонтъ города узокъ, но если взойти на площадку, обвѣваемую постояннымъ береговымъ вѣтромъ, то предъ нашими глазами откроется чудный видъ. На западѣ прекрасныя линіи Кармела (Кармила)... Далѣе увидимъ двойную вершину, господствующую надъ Магеддо, горы Сихемъ съ ихъ святыми мѣстами изъ временъ патріарховъ. Потомъ Фаворъ съ его прекрасной круглой формой, за которую древніе сравнивали его съ женской грудью... Эта природа, въ одно и тоже время смѣющаяся и грандіозная, была единственной воспитательницей Исуса“ (стр. 13—15). Видите, какъ сладко!...

Но „свѣжо преданіе да вѣрится съ трудомъ“. Конечно, природа до извѣстной степени вліяетъ на челоуѣка, но правдоподобно-ли приписывать ей такое непримѣрное въ исторіи челоуѣческой жизни вліяніе, какое приписываетъ нашъ авторъ на святѣйшее лицо Спасителя міра? Да и природа-то галилейская далеко не такъ чудна и богата, какою представляется она пылкому воображенію француза. Была когда-то она хороша и разнообразна. А какъ прошли надъ нею бурные вихри и ураганы въ видѣ несмѣтныхъ полчищъ восточныхъ завоевателей, тогда обѣднѣла природа Галилеи. Изъ цвѣтущей страны превратилась она въ груды развалинъ и мусора. Даже великая производительная сила страны, ея необыкновенное плодородіе, ради котораго именуется она въ Библии землей, текущей молокомъ и медомъ, за грѣхи ея обитателей, было отнято отъ нея. Не безъ явнаго противорѣчія себѣ изображаетъ это и самъ Ренанъ, когда, освобождаясь отъ своей не въ мѣру пылкой фантазіи. Онъ пишетъ о Назаретѣ: „городъ былъ собраніемъ хижипъ и имѣлъ тотъ жалкій и бѣдный видъ, который имѣютъ на Востокѣ всѣ деревни. Дома, вѣроятно, были тѣ же сложенные изъ камня лачуги, которыя и въ настоящее время покрываютъ бѣднѣйшія части Ливана, и не представляютъ ничего привлекательнаго“. Вотъ гдѣ чистая дѣйствительность.

Не болѣе правдоподобно и то увѣреніе Ренана, что величайшее Лицо Богочеловѣка обязано своимъ воспитаніемъ родителямъ и окружающей средѣ. Здѣсь онъ особенно отмѣчаетъ естественную красоту женщинъ, ихъ привлекательность, пріятливость и другія черты. „Народъ здѣсь пріятливый, веселый... Красота женщинъ, собирающихся здѣсь вечеромъ, эта красота, замѣченная еще въ VI вѣкѣ, въ которой видѣли даръ Дѣвы Маріи, сохранилась еще и до сихъ поръ замѣчательнымъ образомъ. Это—сирскій типъ во всей своей прелести“ (стр. 13). Опять какая словесная сладость!

Итакъ, „Иисусъ“ Ренана есть сынъ своей страны, естественное чадо своихъ родителей. Евангелистъ Іоаннъ, изображая Божественную природу Иисуса Христа, пишетъ: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. I, 1). Ренанъ увѣряетъ—это легенда. Если три первые Евангелисты повѣствуютъ, что рожденіе Спасителя было необычайное „отъ Духа Свята и Дѣвы Маріи“, что это—воплощеніе Бога Слова („Слово плоть бысть“), что Ангелы воспѣли Ему колыбельную пѣснь, что Ему поклонялись иноплеменники, приведенные къ Нему необычайной звѣздой небесной, то все это—видите,—выдумка; такъ хочется думать Ренану, такъ онъ и пишетъ... А до исторической правды ему никакого дѣла нѣтъ...

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАЙСКІЙ ЦВѢТЪ.

Какъ много иногда таится дивной небесной любви въ сердцѣ простого и добраго человѣка! Какъ велика бываетъ иногда благодать Божественная въ смиренной, кроткой и боголюбивой душѣ!—Это можемъ мы узрѣть, возлюбленные отцы и братія, изъ предлагаемыхъ здѣсь разсказовъ о жизни и странствованіяхъ по святымъ мѣстамъ, одной смиренной рабы Божіей, странницы „Дарьюшки“, скончавшейся въ Петербургѣ въ 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія.

Въ этихъ простыхъ безыскусственныхъ разсказахъ столько заключается живой, разнообразной жизни, столько свѣжей, прочувствованной мысли, что даже самое малоопытное духовное чувство не можетъ не ощутить неземнаго благоуханія ихъ. Прекрасная душа боголюбивой старицы говорила отъ избытка любящаго сердца, отъ полноты благихъ чувствъ, а потому въ ея рѣчахъ и молитвенныхъ къ Богу обращеніяхъ чувствуется глубокая любовь ко всякой Божіей твари, дѣтская близость и преданность Творцу и великое богатство Божіей благодати, присущей смиренной и кроткой душѣ. Внимательное чтеніе этихъ разсказовъ, исполненныхъ чудной простоты и жизни, доставитъ

сердцу высокое наслажденіе духовное и познакомить насъ съ дорогимъ и близкимъ нашему сердцу характеромъ и бытомъ Русскаго народа. Родныя картины добраго стараго времени раскроются предъ взорами ума во всей привлекательной ихъ дѣйствительности возбуждая добрые чувства, умилять душу, и надолго запечатлѣются въ сознаниі, какъ дорогіе образы близкихъ сердцу людей.

Настолько эти рассказы назидательны и поучительны, можно судить потому, что даже наши великіе подвижники благочестія, какъ приснопамятные: блаженный старецъ Амвросій Оптинскій и богомудрый святитель Теофанъ затворникъ, въ нѣкоторыхъ своихъ письмахъ и наставленіяхъ употребляли не только слова и выраженія, заимствованныя изъ мудрыхъ бесѣдъ боголюбивой старицы, но даже самые обороты ея рѣчи. Такъ, давая наставленіе одной инокинѣ, какъ вести себя въ келіи, когда явится къ ней какая либо посѣтительница, изъ сестеръ монастыря, старецъ Амвросій употребилъ такое выраженіе: ты и скажи ей: „а давай акаѳистъ Царицѣ Небесной читать“... Это простое, дѣтски-откровенное обращеніе, не изъ словъ ли „племянки“ позаимствовано, когда она обратилась къ своей тетѣ—„Дарьюшкѣ“, предъ образомъ Царицы Небесной, въ Кіево-печерской лаврѣ: „а давай молиться Матери Его, премилостивой, чтобы дала намъ пожить при Себѣ, хотя потрудиться, да только порадоваться на Нее“?.. Затѣмъ, и въ наставленіяхъ святителя Теофана нерѣдко встрѣчаются почти изъ слова въ слово, тѣ самыя изрѣченія, какія отъ полноты любвеобильныхъ чувствъ высказала простая старица. Такъ въ одномъ письмѣ о хрістіанской жизни, богомудрый святитель, говоря о Богѣ, сказалъ: „а Его что краше“?—И эти чудныя слова, какъ драгоценныя бисеры, мы къ великому удивленію, найдемъ въ молитвенныхъ обращеніяхъ къ Богу боголюбивой старицы: „нѣтъ Тебя, Господи, краше, нѣтъ Тебя добрѣ“...—Такъ молилась она всегда Богу. „У старицъ—мудрость, опытами и трудами жизни пріобрѣтенная (говоритъ въ другомъ мѣстѣ св. Теофанъ). И онѣ часто невзначай, въ простыхъ фразахъ, высказываютъ такіе мудрые уроки, которыхъ и въ книгахъ поискать,—не найдешь“¹⁾. Не эти ли мудрые уроки, заключающіеся въ назидательныхъ бесѣдахъ старицы „Дарьюшки“, и имѣлъ, главнымъ образомъ, въ виду богомудрый святитель?..

Предлагаемые вниманію благочестивыхъ читателей рассказы, были напечатаны въ первый разъ, въ журналѣ „Домашняя Бесѣда“ за 1864 годъ, а затѣмъ были изданы отдѣльной книжкой, откуда мы и заимствуемъ ихъ и предлагаемъ въ нравственное назиданіе, въ томъ видѣ, въ какомъ они есть. Но прежде всего

1) Что есть духовная жизнь. Письмо 2-е.

считаемъ необходимымъ помѣстить ея біографію, изложенную въ упомянутой книжкѣ.

Дарьюшка родилась въ началѣ второй половины восемнадцатаго столѣтія. Родители ея рано умерли, она осталась старшею при малыхъ братѣ и сестрѣ и жила съ дѣдушкой, крестьяниномъ Новгородской губерніи, который былъ извѣстенъ въ округѣ и уважаемъ за свое благочестіе и любовь къ ближнему. Господь помогалъ ему быть исправнымъ крестьяниномъ: онъ исполнялъ въ срокъ всѣ повинности, съ великою радостью принималъ къ себѣ всякаго странника и часто дѣлился послѣднимъ, чтобы помочь своему брату-мужичку, у котораго не доставало силъ уплатить повинности. Дарьюшка была работница и хозяйка въ домѣ, успокоивала дѣдушку—старика и не покидала брата и сестру въ дѣтствѣ. Одна только была у нея радость и прогулка,— это въ большіе праздники сходить въ Горицкій монастырь, верстахъ въ двѣнадцати отъ ихъ деревни. Тамъ умилялась она сладостью пѣнія и наслаждалась долгою богослуженіемъ; тамъ получала она помощь словомъ и дѣломъ отъ добродушныхъ монахинь. Когда же братъ и сестра выросли, она сестру замужъ отдала, брата женила, а сама стала ходить на богомолье по святымъ мѣстамъ. Мѣсяца по три, по четыре она странствовала, потомъ возвращалась въ свою мирную хижину и опять становилась неутомимою работницею, заботливо сторожившею всякій случай, гдѣ могла кому помочь на счетъ своего покоя и труда. По нѣскольку разъ перебивала она у всѣхъ угодниковъ, или, какъ она говорила: „носилъ ее Господь по всѣмъ святымъ мѣстамъ матушки земли“; но любимыя воспоминанія обращались къ Кіеву и Соловецкой обители. Уходила ли она, или возвращалась изъ богомолья первая ея мысль была—святая Горицкая обитель, ея родимая сторонущка, любимая ею по многимъ причинамъ. Но когда, въ ея отсутствіе, высшее начальство, въ 1845 году, вытребовало въ Петербургъ инокиню Теофанію съ нѣкоторыми избранными сестрами, для устройства женскаго монастыря въ Петербургѣ,—вѣсть объ ихъ отъѣздѣ поразила Дарьюшку. По возвращеніи ея изъ Кіева, не долго думая, Дарьюшка сама отправилась въ Питеръ, гдѣ прежде никогда не бывала, и такъ торопилась, что даже забыла захватить съ собою теплую одежку. Это было зимою въ 1846 году, ей было за 70 лѣтъ, но свѣжая и бодрая, дошла она до своихъ благодѣтельницъ, и съ той поры не возвращалась уже въ деревню. И къ чему было возвращаться? Ея родимая сторонущка, ея монахини—утѣшницы были въ Питерѣ, и всѣ попрежнему любили ее; братъ и сестра умерли; дѣти ихъ были пристроены, а любимая ея племянница, Настюша, дочь сестрина, съ дѣтства своего не разставалась съ Дарьюшкой, которая вскормила ее послѣ смерти сестры. Настя была кротка,

благочестива и смиренна; Горицкія старицы выучили ее грамотѣ. Она не захотѣла идти замужъ и вступила въ Горицкій монастырь 16-ти лѣтъ. Для утѣшенія Дарьюшки, игуменя Феопанія перевела Настю изъ Горицкаго въ Воскресенскій монастырь. Настя была слабаго здоровья и, проживъ здѣсь не болѣе пяти лѣтъ, умерла, провожаемая въ могилу слезами старушки—тетки и общею любовію смиренныхъ отшельницъ. Не долго пережила ее и Дарьюшка, и похоронили ее возлѣ дорогой ея „племянки“.

Кто не зналъ Дарьюшку изъ посѣщавшихъ святую обитель? А если знали, кто не любилъ это смиренное существо? Часто богатые и знатные люди пріѣзжали просить матушку-игуменью отпустить Дарьюшку погостить у нихъ: кто нибудь боленъ, или какое горе Господь послалъ, а съ Дарьюшкой и помолиться и погоревать отграднѣе. Не разъ дивился народъ, какъ, бывало, на роскошныхъ саняхъ сидитъ въ дорогой шубѣ важный баринъ и бережно поддерживаетъ рядомъ съ нимъ сидящую, сгорбленную старушку въ черномъ коленкоровомъ шугайчикѣ, или знатная барыня, въ бархатѣ и атласѣ, прежде чѣмъ сама сядетъ въ свою тысячную карету, заботливо усаживаетъ бѣдную старушку: вѣдь отъ нея ждали утѣшенія!..

Но еще чаще поспѣвала старушка на утѣху къ своимъ „родимымъ“—какъ она называла нищихъ и убогихъ, сиротъ и вдовъ. Ея сердобольное сердце не знало мѣры любви къ человѣкамъ Божиимъ, и зато какъ она была любима ими!..

Между всѣми ея мірскими друзьями были у нея и наиболѣе близкіе, которымъ она высказывала свои нужды, печали и желанія; одна называлась ею „хорошая матушка“, другая, съ первой минуты знакомства, названа „горюша“.

Подъ словомъ „хорошей матушки“ значились красота наружности, красота сердца. Хорошая матушка, несмотря на свое богатство и знатность рода, дорожила дружбою старушки—природья нищаго (такъ она себя называла) и много дѣлалось ею добра чрезъ посредство старушки, добра тайнаго отъ глазъ міра, но явнаго Богу. Иногда старушкѣ казалось, что „хорошая матушка“ будто охлаждалась къ церкви и милостынѣ. Тогда Дарьюшка начинала плакаться, роптать и даже сердиться на все, говоря: „вѣдь мнѣ-то ничего не надо, а на ея-то душѣ красоты хочется побольше“. И утѣшалась она много, когда „хорошая матушка“ не забывала первое дѣло богатыхъ—милостыню.

Горюша была бѣдная вдова, не имѣвшая другихъ средствъ къ жизни, кромѣ милостыни Божіей, которою сама кормилась и сына вскормила. И богатая женщина, и бѣдная вдова были искренними друзьями съ Дарьюшкой; многіе и долгіе дни проводили они вмѣстѣ, съ любовію прислушиваясь къ задушевному разсказамъ Дарьюшки. Но никого, кажется, Дарьюшка не лю-

била такъ сильно, какъ малаго младенца, сына Горюши, котораго никогда не называла иначе, какъ княземъ, одному Богу извѣстно почему. Когда она узнала своего князя, ему было только семь лѣтъ. Отношенія семидесятилѣтней старушки и семилѣтняго мальчика были очень назидательны и съ перваго раза установились какъ-то особеннымъ образомъ.

Серьезный, умный, бодрый мальчикъ любилъ проводить долгіе часы съ сморщенной, простою старушкою, любилъ вслушиваться въ своеобразный складъ ея рѣчей, любилъ ея рассказы, ея самую испытанные и прочувствованные.

Не разъ, предупреждая свои силы и познанія, мальчикъ порывался неумѣлою еще рукою записывать рассказы милой старушки. Она же съ любовью покорялась его желанію и часто цѣлые зимніе вечера повторяла ему одно и то же, пока онъ вкривь и вкось выводилъ непривычно длинныя строчки. Большая часть предлагаемыхъ здѣсь рассказовъ записана его дѣтскою рукою съ ея словъ.

Отъ привычки ли, или отъ природы, Дарьюшка обладала необыкновенною быстротою ногъ и любила ходить, одолевая морозъ, зной и усталость. Трудно было человѣку, вдвое моложе ея, поспѣть за нею. Бывало, посмотришь вслѣдъ за нею—удивительно: точно не ноги ее носятъ—такъ бѣжитъ она, едва касаясь земли. Она никогда и не говорила про себя, что сходила, а все сбѣгала. Обыкновенно она любила бѣгать съ Васильевского острова отъ Благовѣщенія къ обѣднѣ къ Скорбящей, или къ Казанской. Чтобы доставить ей это удовольствіе, ея любимая матушка, Сосновская игуменья, (такъ названная ею въ отличіе отъ настоящей игуменьи, по тому случаю, что новый монастырь начали строить въ сосновой рошѣ, а она, какъ благочинная и казначея, часто туда ѣздила для надзора за постройками) иногда посылала ее съ порученіями зайти съ письмомъ, или съ просфорою къ кому нибудь изъ добрыхъ своихъ знакомыхъ, очень дорожившихъ посѣщеніями простой старушки. Но замѣчательно, куда бы путь ни лежалъ въ посылаемое мѣсто, Дарьюшка непременно шла съ Васильевского острова прямо въ Казанскую; тутъ она отстоитъ обѣдню и побѣдуетъ съ нищими; потомъ побѣжитъ къ Скорбящей, тутъ молится все время, пока будутъ служить молебны, и уже послѣ того отправится куда назначено: находится ли это мѣсто назначенія по пути впереди, или даже въ противоположной сторонѣ. Напрасно, бывало, доказываетъ ей князь, что ближе было бы такъ или иначе пройти—старушка твердитъ все свое: нѣтъ, князь, и не говори, не будетъ ближе да и не найтить „дураку“ дороги, коли не пойдетъ своею дорожкой: прежде къ Казанской Богородицѣ, а тамъ къ Царицѣ Небесной Всѣхъ Скорбящихъ, а оттуда уже дорожка знакома, и

куда хочешь—близко. А когда не побѣжить „онѣ“ по своему пути, а гдѣ толкуютъ ближе—ой, тошнехонько! попадетъ „дуракъ“ въ незнакомыя мѣста: ни выходу, ни проходу нѣтъ, да и спросить-то не у кого. Вотъ и заплачетъ онѣ: „Никола, батюшка чудотворецъ! да выведи же меня, ради Самого Господа, на путь дороженьку!“ Вотъ разъ и вывернулся кормилецъ свѣтлолобый ¹⁾). Родимый ты мой, какъ бы пройти мнѣ къ Спасу Преображенью въ Графскій-то?—Ой, далеко еще, бабушка! Пойдемъ со мною, выведу. Да отколь ты сюда попала, бабушка?—Да съ Васильевского острова: матушка послала съ грамоткой къ „хорошей матушкѣ“ въ Графскій.—Ой, бабушка!—да какъ же ты попала на Калининъ-то мостъ?—А вотъ послушался „худой человекъ“ чужого толку и пошелъ не по своей дорожкѣ; ну, какъ на грѣхъ и заблудился.—Ну и вывелъ, родимый...

Случилось однажды, послѣ продолжительной болѣзни, Дарьюшка пошла съ „хорошею матушкою“, у которой гостила, къ обѣднѣ въ Казанскую. Пришли рано до обѣдни и сѣли отдохнуть на ступенькахъ въ первомъ придѣлѣ. Вдругъ, увидѣла ее старушка нищая, да какъ бросится къ ней въ ноги, а сама и крестится, и плачетъ, и обнимаетъ Дарьюшку. Къ нимъ присоединилось еще нѣсколько нищихъ, и всѣ съ слезами благодарятъ Бога, что сохранилъ ихъ жалостливую кормилицу и утѣшницу Дарьюшку, которую онѣ полагали уже мертвою. Удивилась „хорошая матушка“ и стала спрашивать нищихъ: что это значитъ? Тутъ-то узнала она отъ нищихъ, несмотря на запрещеніе Дарьюшки, что ни отъ кого такъ много милостей и радостей онѣ не видали, какъ отъ странницы Дарьюшки. Она сама выпроситъ у другихъ и потерпитъ осужденіе за корыстолюбіе и вполнѣ сознаетъ это, но всегда достигнетъ своей цѣли: достигнетъ до сердца богатаго, выпроситъ помощи изъ любви къ себѣ и потомъ раздастъ тѣмъ, кто истинно въ чемъ нуждается. А кто могъ лучше Дарьюшки знать, кому что нужно изъ ея родимыхъ человекѣвъ? „У меня головушка все болѣла, на морозѣ то цѣлые часы проводивши, а Дарьюшка мнѣ теплую шапочку сшила“.—А у меня милая дочка въ горячкѣ лежала, ни лѣкарства, ни чайку не было, а Дарьюшка всего нанесла, да ночку съ нами помолилась, да за обѣдней о здравіи подавала, а дочка то и выздоровѣла.—„А мнѣ нечѣмъ было и прикрыть младенца моего бѣднаго, а она-то, болѣзная, теплое одѣяльце выстегала; вѣдь искусно то какъ: все изъ мелкихъ лоскутковъ“.

Трогательно было видѣть: Дарьюшка со слезами кланялась имъ въ ноги и умоляла „не обижать ее“ (т. е. не разглашать о добрыхъ дѣлахъ). А нищія бросались цѣловать у нея руки и

1) Всѣ военные, по ея выраженію.

просили прощенія: „а все же“, говорятъ, „легче на душѣ будетъ, что хоть одинъ человѣкъ будетъ знать, сколько добра можетъ сдѣлать простой и бѣдный человѣкъ, когда Господь благодати ему посылаетъ“.

Дарьюшкѣ нельзя было больше удовольствія сдѣлать, какъ набирать и отдавать ей побольше обрѣзковъ и лоскутковъ, которые она называла общимъ именемъ красоты. Изъ этой то красоты составляла она самыя разнообразныя фигуры и очень искусно дѣлала шапочки, одѣяльца, куцавейки, жилеты—словомъ, все въ чемъ нуждались ея „родимые“. Она всегда такъ спѣшила и такъ любила составлять эти красоты, что ночи иногда просиживала за работою и не разъ со слезами сознавалась въ своемъ тяжкомъ грѣхѣ: спать ли ляжетъ „дуракъ“, на молитву ли станетъ, а худой то умъ все въ коробку уходить, гдѣ собраны „красоты“: какъ бы это сложить поладнѣе, да выйдетъ ли на крышка, или шапочка для болѣзныхъ то ребятишекъ?

Когда она видѣла на хорошей матушкѣ, или на ея добрыхъ знакомыхъ, какойнибудь нарядъ, который ей нравился, она спрашивала:

— Когда ты это износишь?

— А на что тебѣ?

— Мнѣ бы надо.

— Да на что?

— Вишь, какъ это хорошо, да велико! Много добра можно бы надѣлать. Когда износишь, мнѣ отдалъ бы.

Съ такимъ же вопросомъ разъ обратилась она къ л.-г. гусарскому полковнику, который, по случаю выхода въ праздникъ, былъ въ пунцовомъ ментикѣ, залитомъ золотомъ.

— Даю тебѣ слово, Дарьюшка, какъ изношу, такъ и пришло къ тебѣ, отвѣчалъ добрый полковникъ, очень любившій сморщенную старушку.

Онъ сдержалъ свое слово и прислалъ ей свой старый, но все еще богатый ментикъ, залитый золотомъ. Долго не вѣрила Дарьюшка, что не плути принадлежитъ ей такая красота, и жалко ей стало добраго полковника.

— Обидѣлъ онъ себя для „худого человѣка“. Ой, тошнехонько! Лучше отдать ему назадъ: пускай себѣ самъ носитъ на здоровье, а мнѣ и на добромъ словѣ его спасибо. Молиться надо за него.

Насилу уговорили ее, что это „красная красота“ ея собственность. Радовалась она, какъ ребенокъ, развѣшивала на стулья и, налюбовавшись вдоволь, сѣла за работу. Сама работаетъ, а умъ то ходитъ къ Царицѣ Небесной. Изъ этой красной красоты вышло дѣйствительно много добра: все золото она старательно спорола и отдала хорошей матушкѣ, которая продала

его въ лавку и, присовокупивъ еще своихъ къ вырученнымъ деньгамъ, отдала Дарьюшкѣ.

Этими деньгами былъ выкупленъ отъ рекрутства ея племянникъ, единственный кормилецъ бѣдной семьи въ той деревнѣ, гдѣ она родилась. А изъ красной красоты много вышло добра: маленькихъ жилетовъ и шапочекъ для бѣдныхъ дѣтей.

Разъ взяла ее та же „хорошая матушка“ съ собой къ обѣднѣ на архіерейское подворье, къ преосвященному, очень любимому всѣми. Дарьюшка, всю дорогу сидя въ каретѣ, радовалась, что увидитъ „хорошую службу“, но когда, послѣ обѣдни, пошла въ комнаты къ преосвященному, то она такъ оробѣла, что не уступала никакимъ убѣжденіямъ и ни за что не хотѣла идти въ гостинную, даже разстроилась чуть не до слезъ, когда стали ее принуждать.

— Какъ ступить такому „худому человѣку“ въ хоромы къ набольшему батюшкѣ? Вы идите себѣ, а я здѣсь подожду васъ.

Дѣлать нечего, пошли безъ нея и, получивъ привѣтливое слово и благословеніе отъ любимаго архипастыря, посигѣшили передать ему, что Дарьюшка ни за что не хочетъ идти къ нему: „худому-де человѣку не слѣдъ идти къ набольшему батюшкѣ“.

Преосвященный, съ свойственнымъ ему благодушіемъ поспѣшилъ оставить гостей и выйти въ переднюю къ бѣдной Дарьюшкѣ.

— Отчего же ты не хочешь идти ко мнѣ, старушка Божья? Ступай-ка сюда!

— Да къ чему, батюшка, „худому человѣку“ ходить гдѣ набольшіе сидятъ? Какъ бы не выгнали.

— А вотъ увидишь какъ. Ступай за мною.

Провелъ ее въ гостинную преосвященный и посадилъ подлѣ себя на кресло.

Сидитъ Дарьюшка на креслѣ и не шевельнется, и голову понурила.

— А что, старушка, была ты въ храмѣ Божьемъ?

— Какъ же, батюшка, была.

— И Господь принялъ тебя и не приказалъ прогнать?

— Гдѣ ужъ тутъ выгонять! Нѣтъ Его доброе! Только бы шли къ Нему, а Онъ радъ всѣхъ принимать.

— Ну вотъ, видишь ли, старушка Божья, если Господь радъ видѣть тебя въ Своемъ храмѣ, то какъ же мнѣ выгнать тебя изъ своихъ хоромъ? Вѣдь я такой же человѣкъ, какъ и ты, и отъ того же Бога получаю милости.

Лицо у Дарьюшки просвѣтлѣло: она подняла голову и весело сказала:

— Ой, какой же ты разумный, батюшка!..

Вотъ въ краткихъ чертахъ ея біографія и нравственные ка-

чества ея сердца! Послушаемъ же теперь, возлюбленные отцы и братія, ея назидательныхъ бесѣдъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КРЕСТЬ, ДА НЕЯВЛЕННЫЙ.

(Изъ быта глаголемыхъ старообрядцевъ).

— У никоніанъ опять открываются мощи. Недавно еще въ Черниговѣ торжествовали, шесть лѣтъ Серфимъ явился, что народу изъ нашихъ смутилось, ушло въ никоніанство, а теперь опять новыя мощи, съ злобой въ голосъ говорилъ большебородый съ смутными глазами старикъ — старовѣръ Ананій своему другу.

— И я слышалъ. Анну Кашинскую княгиню поминають. Попъ ужъ давно твердитъ, говоритъ: убѣждайтесь, православные, гдѣ мощи, тамъ и истинная церковь. Много будетъ смущенія, отвѣчалъ Ананію другъ.

— У меня сердце болитъ, озираясь по сторонамъ, чтобы никто не услышалъ, тихимъ голосомъ заговорилъ Ананій, вѣдь въ Кирилловой то книгѣ поистинѣ написано противъ насъ. Нѣтъ у насъ ни мощей, ни чудесъ, ни явленій, а по нимъ узнается истинная вѣра. Всѣ вишь вѣры, иже вѣрами зовутся, не суть вѣры, но прелести, т. е. обманы. Почему недостойны они называться вѣрами. Того ради, яко ни едина отъ нихъ не вмѣщаетъ Духа Святого дарованій, ни пришествія Его сподобляется, ниже мощи чинять, ниже освящаются. А у насъ нѣтъ мощей, нѣтъ освященія. Истинная церковь Духа Святаго дарованія вмѣщаетъ, по смерти тѣло негнѣнно угодниковъ пребываетъ, во тѣмъ благоуханными благоухаетъ и чудотворятъ кости мертвыя съ вѣрою приходящимъ. У никоніанъ на десяткѣ лѣтъ трои мощи, пишутъ и рассказываютъ они о многихъ чудесахъ, и не повѣрять нельзя.

— И иконъ у нихъ чудотворныхъ много и явленій, прибавилъ Ѳеодоръ. Соблазнъ большой. Миссіонеры да попы насаждали своимъ про мощи много, донимають насъ. Будутъ въ Кашинѣ подимать мощи, не будетъ намъ покоя.

— Надо утвердить, поддержать своихъ какъ-нибудь, дабы остались они вѣрными старинѣ, заключилъ Ананій.

Простились старики, съ грустью расходясь въ разныя стороны. Ананій чувствовалъ въ душѣ большую тревогу. Онъ заправлялъ моленной, у него находились и ключи отъ нея. Хрстіане наши, съ горечью думалъ онъ, слабѣютъ, усердіе у нихъ стынетъ, въ моленную ходятъ все рѣже и рѣже. Впереди новая гроза, какъ бы вовсе не разбили, направляя потомъ...

Грустная думы наполняли умъ Ананія. Его не тянуло домой. Въ тяжеломъ раздумьи взобрался старикъ на высокую гору позади своей деревни. Предъ нимъ лентой вилась узкая рѣчка

Тойма, по берегу ея множество домовъ съ неправильно расположенными улицами, среди деревни—красивая часовня, гдѣ находится чтимая икона Николая Чудотворца, которую, по преданію, привезли съ собою основатели деревни Борисъ и Савва, она въ рукахъ никоніанъ; на краю деревни виднѣлся вновь построенный православный храмъ, со свѣтлой главой и крестомъ. Сердце Ананіи сжалось при видѣ храма. Скоро будетъ освященіе храма, служба, народъ пойдетъ въ церковь, тамъ чтеніе и пѣніе будетъ хорошее, а народу даромъ, что будутъ пѣть еретическія молитвы—называть Богородицу благодатной, а не обродованной, символъ вѣры читать безъ слова истинного, будутъ ходить провивъ солнышка. Церковь эта—бѣда наша. А тутъ еще мощи новыя. Нѣтъ, такъ по прежнему нельзя оставаться. Онъ еще болѣе задумался.

Въ головѣ Ананіи блеснула какая то мысль. Онъ оживился, приподнялся, и бодрый сталъ спускаться съ горы, направившись къ своему дому.

Прошло нѣсколько времени.

Насталъ праздничный день. Со своими иконами старовѣры вошли въ моленную. Началась служба очень не сложная, потому что у едосѣвцевъ почти нѣтъ ни пѣвцовъ, ни хорошихъ чтецовъ. Она состояла изъ чтенія псалмовъ и многочисленныхъ поклоновъ по лѣстовкѣ. Молились нѣсколько часовъ. Хозяева взяли свои иконы; народъ вышелъ изъ моленной. Позади всѣхъ шель Ананій; онъ заперъ на ключъ избу—моленную стараясь, чтобы это видѣла толпа богомольцевъ, и въ глазахъ ихъ отдавъ ключъ одному старику, сказалъ, что на слѣдующемъ моленіи онъ не можетъ быть.

Раннее утро воскресенья. Старикъ будильщикъ простучалъ по деревнѣ, сзывая старовѣровъ къ утрени. Отперли моленную. Вошли туда десятка два женщинъ старовѣрокъ и нѣсколько мужчинъ. Кое кто поставилъ принесенныя изъ дома иконы въ передній уголъ, къ аналою.

И вотъ диво. Увидѣли въ числѣ иконъ небольшой деревянный крестъ. Его ранѣе никогда не видно было здѣсь. Уходя изъ моленной въ послѣдній разъ, богомольцы хорошо замѣтили, что остались тамъ однѣ только иконы.

Откуда крестъ? Въ моленную никто не могъ войти. Стали мужички-раскольники допрашивать старика, у котораго былъ ключъ отъ моленной, не входилъ ли кто, не бралъ ли ключа? На всѣ вопросы старикъ отвѣчалъ: нѣтъ. Явленный крестъ—замѣтилъ кто-то. Явленный крестъ—пронеслось по моленной. Старухи заплакали отъ радости. Слова благодарности Богу слышались среди собравшихся богомольцевъ, число которыхъ увеличивалось.

— Теперь замолчатъ никоніаны, торжествовали старики, и у

нась явленіе и намъ Господь послалъ Свою милость. Съ неба—крестъ.

— А вотъ высоковѣры то обозлятся (еодосѣвцы высоковѣрами называютъ филипповцевъ, недавно появившихся въ той деревнѣ и превозносящихся предъ еодосѣвцами строгостью въ жизни и вѣрностью преданіямъ старины).

И тихія рыданія и возгласы радости смѣшались въ толпѣ. Вѣсть о явленіи креста понеслась... Скоро узнали о томъ всей деревнѣ. Народъ сбѣгался посмотрѣть на чудный крестъ.

Подходить къ стѣнѣ, уставленной иконами, одна женщина—старовѣрка, пристально смотря на крестъ.

— Крестъ-то мой, вдругъ громко закричала она. Во время пожара въ прошломъ году его у меня украли.

— И я, тихо сказавъ сосѣду—старовѣру тамошній учитель школы, видѣлъ этотъ крестъ на божницѣ не то у Ананіи, не то у Федора.

Замолчали старовѣры, понурия свои головы.

— Обманъ, промелькнуло въ головѣ у нѣкоторыхъ.

А можетъ совѣсть замучила вора, положилъ тутъ чужой крестъ, замѣтилъ кто-то.

— Но зачѣмъ сюда?

Радость была такъ мимолетна. Разочарованіе полное.

Унылые стали раскольники исполнять поклоны. Молитва не шла на умъ.

Думали: крестъ явился, думали, что ни у однихъ никоніанъ святыня. Господь не показалъ нашей правоты. Горькія слезы разочарованія полились изъ глазъ нѣсколькихъ преданныхъ еодосѣвству лицъ.

— Горе наше, думали старцы. Это соблазнъ. Не жди добра. Ослабѣть вѣра.

— Съ явленнымъ крестомъ поздравляемъ, говорили православные, встрѣчая у своихъ домовъ возвращающихся изъ моленной еодосѣвцевъ.

Тѣ молча, слѣвно виноватые, расходились по своимъ домамъ.

И. Неофитъ.

НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Симъ № прекращается бесплатная разсылка нашего изданія при Вологодскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ. Къ сожалѣнію, Братство Всемиловитаго Спаса, вслѣдствіе оскуденія своихъ средствъ, не можетъ впредь никому разсылать бесплатно „Церковное Слово“. Кто желаетъ получать его до конца года, тотъ благоволитъ выслать семьдесятъ пять копеекъ въ нашу Редакцію.

Р е д а к ц і я.